

Юрий КОВАЛЕНКО, «Известия»

По пути из Вашингтона в Москву Василий Аксенов сделал остановку в «Глобе» — замечательном магазине русской книги в Париже. Писатель встретился с местными читателями по случаю выхода в свет на французском языке в издательстве «Деноэль» его книги «Желток яйца», которая в прошлом году у нас печаталась в журнале «Знамя». Прямо в «Глобе» состоялась и наша беседа.

— О чем ваша книга «Желток яйца», среди действующих лиц которой есть Маркс и Достоевский?

— Это, я бы сказал, метафизическая шутка. Я начал — как обычно начинаю, — не зная точно, о чем будет книга, упражняясь в английском, в метафорах, в шутках. Но постепенно я пришел к тому, что меня тревожило — ощущение неизбежного развала, который приближался к Родине. И вот в книге отразились и попытка какого-то спасения, и ощущение вот этого яйца, в середине которого находятся как смерть, так и жизнь.

Книга не опубликована в США, ибо мне пока не удалось найти издательство. Американские издатели относятся к моему делу со звериной серьезностью. Их волнует лишь одно: сколько экземпляров им удастся продать. Считают, что читатель мою книгу не поймет — это же не настоящий детектив. Для них агент ФБР должен быть настоящим мужчиной, а он у меня легкомысленный гомосексуалист. Почему у меня в книге такой странный толстый русский — тогда как у них трудности с питанием? Да и вообще почему русский писатель, который должен быть серьезным, пишет такую легкую книгу.

— Почему вы написали ее на английском? Для кого она предназначена? Означает ли она разговор в вашем творчестве?

— Должен признаться, что на английском я написал ее случайно. Правда, я и раньше писал и продолжаю писать на этом языке статьи, рецензии, маленькие эссе для американских газет и журналов, но мне и в голову не приходило писать прозу. Однажды я увидел, что сквозь мои заметки просвечивает что-то похожее на роман. Начал по-русски, но материал сопротивлялся, и я понял, что надо переходить на английский. То, что я ее написал на английском, — это эксперимент, литературная игра. Вообще на английском я писать не собираюсь.

— Вы снова летите в Москву. С чем связана ваша нынешняя поездка?

— В Россию я езжу каждый год, стараюсь быть к ней как можно ближе. Я использую для этого каникулы. Они, слава Богу, большие в университете. Этот зимой я не мог поехать, потому что писал 3-й том трилогии. Сейчас он закончен, и я везу туда рукопись третьего романа, мой трилогии «Московская сага».

— В Москве выходит ваше собрание сочинений?

— Так говорят, но я не знаю, выйдет ли оно. Ведь сейчас все в таком хаотическом состоянии.

— Как вам видится из-за океана то, что сейчас происходит в России?

Я надеюсь, что Россия, в принципе, если не произойдут явления фашистского типа, довольно быстро преодолеет экономический тупик. Главное условие для этого, разумеется, существование демократии.

— Значит, вы связываете свои надежды с демократией?

— Да, я так считаю, вне зависимости от моих привязанностей, никакая другая форма не принесет ничего доброго. Вместе с тем в России все так поляризовалось, и теперь можно говорить о существовании фа-

шистской прессы, для которой я «враг русского народа»... Русский народ очень космополитичен, и в глубинах истории не найти другого, более космополитичного, чем русский. Национал-социализм в России, открытой на все четыре стороны, развиться гораздо труднее, чем в Германии. И я борюсь с фашизмом книгами, статьями, радиопередачами.

— Над КПСС собираются устроить нечто вроде нюрнбергского процесса. Вы бы согласи-

Василий АКСЕНОВ:

«НА ОСТАТОК ЖИЗНИ Я ОСЯДУ В РОССИИ»

лись выступить на нем в качестве свидетеля?

— Если бы меня пригласили выступать свидетелем, я бы не смог, конечно, отказаться. Но вообще-то я не очень за такого рода процессы. Я считаю, что России был дан какой-то провиденческий шанс решить это без чувства мести. Так или иначе, несмотря на то, что процесс этот юридически обоснован и является актом справедливости, все-таки он может вызвать какие-то эмоции мстительного характера. А мне кажется, в той ситуации, когда в духовной революции, произошедшей изнутри каждого, в том числе и 25 миллионов членов партии и их семей, то есть практически всего активного населения России, у народа нет желания посчитаться с коммунистами.

— Что интересного вам довелось прочитать в последнее время в современной российской литературе?

— Довольно много рассказов советских молодых писателей. Они показывают незаурядный талант, но, к сожалению, и некоторую приверженность неправильному представлению о постмодернизме. Для них постмодернизм — прежде всего грязь, чернуха, всякое людоедство и похищение дерьма. Но вообще эти люди имеют большой творческий потенциал. Что же касается среднего поколения — высоко ценю работы «метропольцев» — Попова, Ерофеева, Кожевникова, Петрушевской. Татьяна Толстой, Пелевина.

— У нас бесконечно любят повторять, что поэт в России больше, чем прозаик. Он — Касандра, колокол на башне вечной и т. д. Ну а в Америке?

— Его социальная роль — нулевая. Но, как ни странно, он отражает общие настроения, которые иногда не уловишь по телевизору в этих бесконечных американских ток-шоу. Есть такой журнал «Нью рипаблик», где среди серьезных тем есть такое окошечко поэзии. Я их

вырезаю и потом пролистываю, чтобы уловить эти скрытые ощущения внутри страны.

— Аксенов в России в 60-е годы был властителем дум значительной части молодежи. Ну а в Америке?

— В Америке у меня очень маленькая позиция, больше в академическом мире. Мои читатели там — узкий круг людей. Больше всего я продал «Ожог» — 25 тысяч экземпляров. Это неплохо, особенно для русского автора, но, конечно, не массовое потребление. Ни одна моя книга не стала бестселлером.

— Где все-таки труднее быть писателем?

— Это зависит от того, как вы себя воспринимаете... Если вы хотите стать влиятельным писателем, то, разумеется, Россия — большее поле для подобного дела, для обмана почтен-

но появляется удовлетворение, когда я преподаю, предположим, серебряный век и русский авангард группе американских студентов из 50 человек, которые через полгода выходят с солидными познаниями в это дело.

— Кажется, вам даже приходится прозирать сочинения?

— Обязательно.

— Интересует ли ваших студентов русская литература или это на уровне известного анекдота Набокова об американце, который хотел читать наших писателей потому, что ему очень понравилась «Анна Карамзинска»?

— Интересует. Они получают то, чего не получают никогда на американских курсах.

— Солженицын собирается вернуться домой. А Аксенов?

— Я пока не собираюсь, потому что мне надо зарабатывать деньги. Солженицын работает только в русской литературе. Моя же жизнь сложилась так, что я работаю и в русской литературе, и в американском академическом мире. Естественно, у меня возникли многие обязательства — чисто преподавательские, профессиональные. Но вообще я нацелен на Россию и собираюсь в конце концов осесть для остатка жизни в России — в этом нет никаких сомнений.

— Произошла ли в Соединенных Штатах ваша эволюция как писателя?

— Я надеюсь, что она произошла. Без эволюции писатель подыхает. Прежде всего в силу академической работы я стал более образованным человеком. Сейчас я закончил третий том трилогии, которая называется «Война и тюрьма. Тюрьма и мир» с некоторым не очень скромным референсом ко Льву Николаевичу. Это история поколения русской семьи интеллигентов в сталинское время.

— Ну а влияние на язык?

— Оно происходит, и это самый раздражающий момент, когда в русский постоянно вторгается посторонняя стихия и тебе приходится себя постоянно вздрагивать, прищипывать, чтобы не забывать язык.

— Оглядываясь назад, каковы свои книги вы считаете наиболее значительными?

— Одно дело значительность, а другое дело — личная привязанность. Я, например, очень люблю свой маленький роман «Булавный пейзаж». По моему, он еще не был издан в России. Самой значительной, как всегда, кажется самая последняя вещь, то есть моя трилогия. Но из тех, что известны читателям, — конечно, «Ожог».

— Не мешает ли творческому процессу благополучная жизнь?

— Прежде всего она совсем не так благополучна, как представляется из России. Мы живем в очень жесткой атмосфере финансового прессинга, который для меня в Америке сильнее, чем в России.

— Происходит ли какое-то взаимовлияние литератур разных стран или каждая живет в определенной изоляции, не ведая зачастую того, что происходит в других странах и тем более на других континентах?

— Я думаю, что американская литература колоссально зачехлена. Я надеюсь, что русская литература в будущем займет более прочные позиции на мировом рынке, ибо она самая энергичная и активная.

— 20 августа вам исполняется 60 лет. Что бы вы хотели пожелать себе накануне юбилея?

— Чтобы мне исполнилось в этот день 40.

ПАРИЖ.

нейшей публики. А в Америке это тоже зависит от вашего собственного восприятия. Там колоссальное количество писателей — может быть, 100 тысяч, и большинство из них относятся к этому, как к бизнесу. Они изучают рынок, потребление. Есть и маленькая группа, которая относится к слову, как к художественному материалу, думает глубоко о литературе и остается довольно изолированной. Она не собирается ни изменять обществу, ни, как ни странно, литературу. В России любая новая группа немедленно бросает вызов группе предыдущей. И это здоровое явление. Таковы традиции русской литературной борьбы — столкновения, распада, примирения и т. д. Символисты бросали вызов ранним символистам, акмеисты — символистам, футуристы — всем вокруг... В России литературная атмосфера гораздо более живая, чем в Америке.

— Вы продолжаете преподавать историю нашей литературы в вашингтонском университете Джорджа Мейсона. Это призвание, потребность или возможность иметь неплохие средства к существованию?

— Сначала только возможность иметь средства к существованию, заработок. А сейчас